

Наєнко М.К. (Київ, Україна)

«БОЛИТ МОЯ ДУША ПО ГОГОЛЮ...»

О повести Анатолия Димарова «Оксана из рода Яновских»

У статті аналізується повість сучасного письменника А. Димарова, створена за мотивами мемуарних записів далекої родички М. Гоголя Оксани Яновської. Автор спробував співвіднести реальну й художню правду в літературному творі, а також пов'язати суть цих теоретичних питань з конкретними ситуаціями в житті нащадків великого письменника.

Ключові слова: *родовід, художня інтерпретація, мемуари, фольклорна основа, експресіонізм, реальність.*

Автор анализирует повесть современного украинского писателя А. Димарова, созданной по мотивам мемуарных записей дальней родственницы Н. Гоголя Оксаны Яновской. Сделана попытка соотнесённости реальной и художественной правды в литературном произведении, а также корреляции этих теоретических проблем на конкретные ситуации из жизни потомков великого писателя.

Ключевые слова: *родословная, художественная интерпретация, мемуары, фольклорное подспорье, экспрессионизм, реальность.*

The author analyzes the story of the modern Ukrainian writer A. Dimarov's, created on motives of memoirs records of distant relative N. Gogol Oksana Janovsky. In a literary work, and also correlation these theoretical problems on concrete situations attempt of real and art truth is made of life of descendants of the great writer.

Key words: *genealogical, art interpretation, memoirs, folklore help, expressionism, reality.*

В родословной Н. В. Гоголя, как известно, фигурируют самые что ни на есть неожиданные фамилии – от фамилий украинских гетманов (Дорошенко, Скоропадский) и полковников (Остап Гоголь, Лизогуб) до российских чиновников и меценатов (Трощинский). Яновские появились в этой родословной во второй половине XVII в. Эту фамилию «изобрёл» правнук Остапа Гоголя, священник Успенской церкви с. Кононовки Лубенского повета Демьян Иванович Гоголь (прадед писателя), решивший увековечить в родовой летописи имя своего отца, названного в честь польского короля Яна. Таким образом, и появилась двойная фамилия Гоголь-Яновский, которая в таком виде дожила до метрических записей отца будущего писателя, драматурга Василия Гоголя-Яновского. В начале XIX-го века «перевес» второй части этой фамилии настолько укрепился, что Николай Васильевич при рождении уже записан был только Яновским.

С 1821 года, как утверждают биографы, его фамилия опять таки «удваивается» (Гоголь-Яновский), а «чистым» Гоголем он стал, когда (после учёбы в Нежинском лицее) перебрался на место работы и творчества в Петербург. Можно с уверенностью сказать, что это случилось после того, как Гоголь узнал о существовании его исторического предка – казацкого полковника Остапа Гоголя, и молодой писатель встал перед выбором своего литературного имени: чисто украинское «Гоголь» ему импонировало по ментальности, чего нельзя сказать про искусственно созданное (на польский лад) «Яновский». Но другие родственники писателя с такой фамилией после этого, конечно, никуда не девались.

В XX веке в ветвях этих родственников возник знаменитый писатель-романтик Юрий Яновский. Рождённый на хуторе Майерово (с. Нецаевка нынешней Кировоградской области), автор хрестоматийных в Украине романов «Четыре сабли» и «Всадники», он о своём родстве с Гоголем знал только по случайным преданиям, а когда ему об этом напоминал кто-то из краеведов-литераторов, писатель загадочно смущался и умолкал, потому что никаких документальных подтверждений этого родства не знал и не видел.

Иное дело – ветка тех Яновских, которые оказались в городе Переяслав-Хмельницком, что в полсотни километров от Киева. Из этого рода ещё и в наши дни живёт и здравствует Оксана Витальевна Яновская, которая в своих мемуарных заметках, существующих в рукописи, поведала, что до 30-х годов XX ст. в их семье хранилась жалованная (на пергаменте) грамота времён императрицы Екатерины Второй. Этой грамотой одному из её прапрадедов по прозвищу «Мехеда», отличившемуся в борьбе с турками, пожалованы были большие наделы земли в окрестностях нынешнего Переяслава-Хмельницкого*. Бабушка Оксаны Ираида Канивецкая унаследовала от того далёкого прапрадеда столбовое дворянство, а дедушка Кирилл Яновский – кровную связь с обедневшим в конце XIX века родом Гоголя, который, как известно, тоже был из дворян (в цитированном интернет-материале «Полтавское дворянство» фигурирует фамилия «Гоголь-Яновский»). Таким образом, ещё и после Октябрьской революции за бабушкой Оксаны Яновской и её матерью «тянулся шлейф» столбового дворянства, свидетельство которого подтверждал упомянутый пергамент; в 1937 году, обливаясь слезами,

* В интернетном материале «Полтавское дворянство» значится дворянин с именем «Мехеды-Мехедовского» (см.: <http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Poltava/noblepoltava.html>).

Яновские этот пергамент сожгли-уничтожили, дабы не попасть на Колыму или ещё на какие-то Соловки за родство с дворянским сословием. Об этом родстве мама Оксаны Яновской не только приказала ей молчать, но решила на невиданный, ради выживания, шаг: подкинула свою малолетнюю дочку в Переяславский детдом-патернат (это были голодоморные 1932-1933 годы), а сама, имея учительское образование (окончила Институт благородных девиц), устроилась в этом патернате уборщицей и умолила дочку называть её только тётей, но никак не мамой. В этом жутком эпизоде советской истории А. Димаров увидел одно из тягчайших его преступлений и создал повесть «Оксана из рода Яновских». В ней читаем такие слова главной героини: *«Болит моя душа по Гоголю, ибо прожил он тяжёлую жизнь; она такой же тянулась по всей его родословной и такой же неослабленно тяжёлой досталась и мне»* [2, 195]*.

Анатолий Димаров – известный современный писатель, автор многих книг добротной прозы, среди которых, в частности, и дилогия «Боль и гнев», отмеченная высшей литературной наградой в Украине Шевченковской премией (1981). Особое место в творческом наследии писателя занимает роман «...И будут люди» (слова Т. Шевченко из поэзии «И Архимед, И Галилей...»), в котором (романе) ещё в 1964 году была затронута А. Димаровым табуированная в советской литературе тема насильственной коллективизации, варварского уничтожения так называемого кулака, после чего последовал невиданный в человеческой истории голодомор. Роман был исковеркан советской цензурой до неузнаваемости, но всё же его удалось опубликовать, хотя сам писатель после этого оказался отстранённым от литературы и ушёл в... геологию. Но писатель всегда остаётся писателем; исколесив с геологами в 60-70-х годах XX ст. почти всю «широкую страну мою родную», он создал тогда удивительную по романтическому содержанию «Поэму о камне». А роман «...И будут люди» удалось издать в неискажённом виде только в 2006 году. Голодоморные страницы в этом романе выписаны как резцом по граниту и с невероятной болью за судьбу умирающего от голода человека. Имя этого человека в советском безпределе ничего не значило, а достоинство его попиралось своими же, но помешанными на компартийной идеологии,

* Перевод с украинского автора этого материала. В дальнейшем номера страниц цитированной повести будут указаны в тексте.

гомункулами. Вот почему в жизни далёкой родственницы Гоголя Оксаны Яновской А. Димаров остановился именно на перипетиях, связанных с истязаниями дитяти голодом и невозможностью маму называть мамой. *«Ты же, доченька, никому ни слова, что я твоя мать. Упомни навсегда: я для тебя чужая тётя, которую ты никогда не знала.*

А дитё, ошарашенное услышанным, вдруг онемело и посмотрело куда-то вовнутрь себя. «Почему, мамочка? Почему?» – пылала огнём неведенья глазёнки девочки.

– Если кто-то узнает, что я твоя мать, меня сразу же убьют. Ты же не хочешь, чтобы меня убили?..

И на долгие-долгие годы в сердце, в маленькой душе, в детском сознании врубилось: маму могут убить! За то, что мама – из дворянского рода Яновских. Маму убьют, если она хотя одним словом обмолвится, чья она доченька» (196).

История ужасов неисчерпаемая. Но ужасы голодоморной советчины сравнить не с чем. В 20-х годах прошлого века о них можно было хотя бы писать. У Павла Тычины есть созданные в 1921-1925 гг. моторошные по мотиву стихотворения, в которых одна мать, спасаясь от голодной смерти, *«сварила двух своих детей»*, а другую пронимает дрожь не от того, что кто-то в дверь прикладом бухает, а потому, что ещё ведь *«не сварился сыночек»* [4]. Тема голода осмыслена также Валерьяном Пидмогильным в рассказах *«Проблема хлеба»* (1922) и *«Сын»* (1923), а вице-президент украинской академии наук, академик-литератор Сергей Ефремов в 1927 году опубликовал статью *«Без хлеба»*, в которой, исследовав развитие темы голода в украинской литературе от времён Киевской Руси до 20-х годов XX века, ещё мог акцентировать: *«...Пять лет тому назад (т. е. в 1921-1922 гг. – М. Н.) Украина выдержала обыкновенный пароксизм голодной лихорадки»* [3, 294]. О подобном пароксизме, искусственно созданном насильственной коллективизацией, литературе, как теперь знаем, приказано было на протяжении полвека молчать, но совсем исчезнуть из людской памяти ему всё же не дали такие детки-страдалцы, как дальняя родственница Гоголя Оксана Яновская.

Рисуя её портрет, А. Димаров прибегнул к мозаике экспрессионистического типа повествования. С разными оттенками чередуются в этих мозаиках преимущественно два персонажа: маленькая Оксана и поражённая в правах на связь со своей дворянской

родословной её мать. В детдоме девочку записали с фамилией «Ничейная», поскольку так она назвала себя, когда в детдомовском дворе её «нашёл» какой-то страшный, с бородой дядька: *«Повис над ней чёрной тенью; казалось, что вот-вот её съест. У них в селе нескольких детей уже съели... Маму тоже, очевидно, уже съели...»*

– А вы меня не съедите?

– Нет, мы здесь детей не едим...

И увёл меня к ещё сонному дому. И сказал какой-то тётке, державшей в руках тряпку и ведро:

– Вот ещё одна – ничейная. Забирайте.

Так её Ничейной и записали. Но уже какие-то другие тётки. Они несколько раз переспросили, правду ли она говорит. И действительно ли у неё нет ни мамы, ни папы? Так и записали: Оксана Ничейная» (198).

Самыми ужасными были первые детдомовские дни, когда приходилось жить со страхом, что её (Ничейную) могут ни за что обидеть, а возможно и съесть. Девочке не только удалось выжить на детдомовском пайке, который старшие и более опытные детдомовцы в любую секунду могли нагло вырвать из рук, но и спастись от голода свою маму-тётю. Несёт она, бывало, отломленную от своего пайка хлебную крошку маме, и все время дрожит, как бы удержать её в ладошке, уберечь *«от своего всегда голодного ротика» (195)*. Ничего более вкусного, чем детдомовская крошка хлеба, Оксане Яновской (по её воспоминаниям) не случилось до сегодняшнего дня.

О том, что настоящая фамилия «ничейной» девочки «Яновская», мама поведала Оксане лишь спустя десять лет, когда всё же удалось им покинуть детдом и соединиться вместе под одной семейной крышей. К тому времени Оксана – уже школьница – зачитывалась гоголевскими «Вечерами на хуторе...», могла без боязни называть маму мамой и вот однажды мама сказала:

– А ты знаешь, Оксана, Гоголь наш родственник.

Меня всю передёрнуло:

– Гоголь?

– Да, Николай Васильевич. Мы тоже из рода Яновских... Только об этом никому ни слова!

– Почему, мама, почему?

– Ибо тогда узнают, что ты из дворянского рода. И все дороги тебе будут перекрыты... Ты же не хочешь, чтобы тебя вышибли из школы?.. А

меня вот вышибли. Когда узнали, что я дворянка, да ещё и урождённая... А я ведь в школе была неплохой учительницей. И меня любили дети... А теперь вот вместо книжек – тряпка и веник... Веник и тряпка... Ты же не хочешь поменять Гоголя, – взглянула она на книжку, которую я крепко прижала к груди, – на тряпку и веник? (198).

Гоголевская тема в повести «Оксана из рода Яновских» была бы менее убедительной, если бы А. Димаров не нашел для неё фольклорного и исторического подспорья. У самого Гоголя на таком художественном приёме держатся практически все произведения. Фольклорную основу их писатель иногда усиливал эпиграфом из какого-нибудь народного предания (как в «Сорочинской ярмарке» – эпиграфы к каждому разделу из старинных легенд, пословиц, песен и поэмы И. Котляревского «Энеида»), а исторические обоснования мотивов у Гоголя рассыпаны преимущественно в авторских отступлениях от основной сюжетной линии произведений (как, например, экскурс в казацкую отвагу, сформировавшую храбрость и упрямость характера Тараса Бульбы в одноименной повести, или утверждение наратора в конце повести «Нос», что *«подобные происшествия на свете бывают, – редко, но бывают»*) [1]. В повести «Оксана из рода Яновских» фольклорная «поддержка» гоголевского мотива угадывается в приведённой писателем колыбельной песенке, которую напевала Оксане её бабушка в самом отдалённом, едва мерцающем детстве. Оксане Яновской в связи с этим всплывает в её мемуарах колыбельная песенка о том, как повзрослевшая барышня будет на балах (в вихре вальса) всех кавалеров с ума сводить, а писателю понадобилась для этого... шинкарка, которая подносит казакам хмельное угощенье, но в то же время просит: *«Не пейте, родные, ибо пропёте всё, и даже Сечь свою Запорожскую»*. Глядя на то, до чего допилось это казачество в прошлом и настоящем, внутренний голос писателя заключает: *«Пропили матушку, отца родного, саму Украину и душу свою украинскую; потому-то и не осталось ничего ни в голове, ни в кармане, ни в прорехе»* (195). Это, так сказать, чисто писательская, гиперболическая актуализация извечно бестолковой судьбы украинцев, но исторический подклад повести целиком укладывается и в реальную действительность советского прошлого (да и постсоветского настоящего) Украины, и в известный миф, родившийся на почве загадочного летаргического сна Гоголя, который перепутан был современниками со смертью. Приём мозаики здесь снова стал

главенствующим в нарративе писателя. В четырнадцать лет, когда мама Оксаны рассказала о родстве с Гоголем, на неё напали сны, что её, как и Гоголя, похоронили живём. *«Это у них родовое, – сказала мама. – Наши прапрадед тоже пребывал в летаргическом сне и его похоронили живём».* Как это случилось, мама, по настоятельной просьбе доченьки, рассказала дивную историю о том, как их общий с Гоголем прапрадед Кирилл Константинович Яновский, отведав кусочек зажаренного мяса любимой жены своего родственника, был настолько потрясён, что оказался в летаргическом сне и его поспешили похоронить, не дождавшись диагноза земского лекаря. *«Гроб из могилы, конечно, достали, да что толку; лежал на боку, рубаха на груди изорвана, руки покусаны...»*

А Гоголь, когда его спустиа много лет откопали, тоже лежал на боку...

Не приведи господи – в могиле проснуться!..

К скольким бабкам-шептухам водила потом меня моя бедная мать? Чтобы изгнать из меня боязнь страшных сновидений... Но я излечилась от этого недуга сама. Изготовила картонную табличку, написала на ней, чтобы меня не хоронили до тех пор, пока труп не начнёт разлагаться, повесила эту табличку на шею и тот ужасный сон больше меня не навещал...» (200).

Что здесь от правды, а что от художественного вымысла? А. Димаров в начале повести обращается с просьбой к Богу, чтобы тот помог ему *«ни на ёту не отступить от правды»* (195). Но правда, как известно, не панацея в искусстве. Искусство, по изречению Фридриха Ницше, *«существует для того, чтобы мы не умерли от правды»* [6, 4]. Гоголевская летаргическая смерть, как и связь её с родовой «традицией», и детали приобщения к ней героев повести «Оксана из рода Яновских», могут показаться нафантазированными писателем (как и самой Оксаной Яновской в мемуарных записях), но испытание голодом в 1932-1933 гг. таких детей, какой была героиня повести, является неоспоримым фактом гнуснейшей советской истории. Правда и то, что Оксана Яновская (преодолев уже восьмидесятый рубеж сложнейшей жизни) до сих пор носит на шее картонную табличку с просьбой не спешить с её похоронами. Не исключается и то, что «своё» изобретение она заимствовала из популярной литературы о смерти Гоголя. Читая её мемуарные записи, я обратил внимание ещё и на то, что с Гоголем авторку этих записей роднит некоторая увлечённость мистическими загадками жизни; Гоголя

причисляют к сонму активных писателей-мистиков, а его мистика, подчёркивал, в частности, философ Д. Чижевский, является проявлением способности украинского духа понимать вечность и иную (потустороннюю) природу человека [5, 91]. Оксана Яновская, как явствует из её записей, этой способности тоже не лишена. А в устной речи она сохранила также пристрастие к отдельным словам, которые Гоголь употреблял как излюбленные и художественно значимые. Например, слово «ярмарка», которое в украинском языке принадлежит к мужскому роду – «ярмарок». Оксана Яновская никогда не говорит ни «базар», ни «рынок», как принято в современном обиходе, но только – «ярмарка». Почти – известная «сорочинская ярмарка». Пожелаем героине повести, чтобы она ещё долго верстала путь не «из», а «на» ярмарку...

Прототипы в художественном творчестве – вещь такая же обязательна, как и не обязательна. Требовать от любого писателя обоснований и первого и другого – вне всякого смысла. Судить его следует по тому, что он конкретно предложил в своём тексте. Персонажи А. Димарова в повести «Оксана из рода Яновских» пытаются, как мне кажется, понять смысл одного из самых дурных качеств человека: его дремучей бестолковщины. Она, как видим, может проявляться и в посягательстве (путём истязания голодом) на физическую сущность жизни, и (разрушая родственные связи) на её душевную организацию. Советский апокалипсис преуспел в этом как никакой другой. Превзошёл (не исключено) даже известный апокалипсис-откровение Иоанна Богослова. Жизненные испытания Оксаны Яновской, предложенные в художественном тексте А. Димарова, подтверждают это вне всякого сомнения. Особенно потому, что они – ветка Гоголя, который (как ещё раз убеждаемся) никогда не кончается.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Гоголь Н. Сочинения. – В 2-х т. – М., 1962. – Т. 1. – С. 14-40, 493;
2. Димаров А. Оксана з роду Яновських // Димаров А. Божа кара. – К., 2009;
3. Єфремов С. Літературно-критичні статті. – К., 1993;
4. Тичина П. Золотий гомін. – К., 2008. – С. 109, 367;
5. Чижевський Д. Філософські твори. – В 4-х т. – К., 2005. – Т. 1;
6. Чхартішвили Г. Писатель и самоубийство. – В 2-х ч. – М., 2011. – Ч. 2.